

В. В. ПОЧЕТНАЯ

ПЕТРОВСКАЯ ТЕМА В ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЕ НАЧАЛА 1740-х ГОДОВ

Борьба «за» и «против» реформ Петра I продолжалась и после его смерти. Она становилась особенно обостренной в напряженной обстановке дворцовых переворотов, приведших к власти ближайших наследников великого преобразователя. Дворцовый переворот 25 ноября 1741 г. был продолжением борьбы двух противоположных тенденций развития России, одна из которых вела назад, к допетровской старине, другая — к дальнейшему развитию петровских реформ. Приход к власти Елизаветы Петровны воспринимался современниками как победа второй из названных тенденций, социально поддерживаемой служилым дворянством, знания которого так высоко ценились Петром I, а в последующие годы «не в авантаже обретались».

Вот как раскрывал «ухищенную политику» «губителей отечественного счастья» — ближайших наследников Петра I, предшественников Елизаветы на русском престоле — один из видных проповедников елизаветинской поры Амвросий Юшкевич в слове, произнесенном им 18 декабря 1741 г.: «Разговору большаго у них не было, как токмо о людях ученых: о боже! как то несчастлива в том Россия, что людей ученых не имеет и учения завесть не может! Не знающий человек их хитрости и коварства думал, что они то говорят от любви и ревности к России; а они для того нарочно, чтоб, гденибудь сыскав человека ученаго, погубить его. Был ли кто из русских искус-

²⁴ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. XI (тт. 21—22). М., 1963, стр. 129—199.

ный, например, художник, инженер, архитектор или солдат старый, а наипаче ежели он был ученик Петра Великого; тут они тысячу способов придумывали, как бы его уловить, к делу какомунибудь привязать под интерес подвести и таким образом, или голову ему отсечь, или послать в такое место, где надобно необходимо и самому умереть от глады, за то одно, что он инженер, что он архитектор, что он ученик Петра Великого. Под образом будто хранения чести, здравия и интереса государева, о! коль бесчисленное множество, коль многия тысячи людей благочестивых, верных, добросовестных, невинных, бога и государство весьма любящих, в тайную похищали, в смрадных узилищах и темницах заключали, гладом морили, пытали, мучили, кровь невинную потоками проливали! Сей их обман народ незнающий помышлял, что они делают сие от крайняи верности; а они таким то безбожным образом и такую то завесою покровенные, людей верных истребляли. Кратко сказать: всех людей добрых, простосердечных, государству доброжелательных, и отечеству весьма нужных и потребных, под разными претекстами губили, разоряли и вовся искореняли, а равных себе безбожников, бессовестных грабителей, казны государственных похитителей весьма любили, ублажали, почитали, в ранги великие производили, отчинами, и денег многими тысячами жаловали, и награждали. Было то воистину, что и говорить стыдно; однак то сущая правда!.. И такой то совести были оные внутренние враги наши! Такой то сатанинской верности! Многим казалось, что они верно служат, воюют за церковь Христову, подвизаются за отечество; а они таким образом приводили Россию в бессиле, и в крайнее разорение».¹

После прихода Елизаветы к власти новое правительство спешило оправдать надежды своих сторонников, желавших видеть в политике дочери Петра I продолжение дел ее отца. Свою деятельность правительство демонстративно начало с восстановления указов Петра I. Уже 12 декабря 1741 г. от имени Елизаветы был издан указ о том, «чтобы правительствующий сенат имел прежнюю силу и власть в правлении внутренних всякого звания государственных дел», «как было при Петре Великом», а «правление внутренних всякого звания государственных дел иметь на основании, учиненном указами Петра Великого, кроме тех, которые с состоянием настоящего времени не сходны и пользе государственной противны».²

И в дальнейшем, в течение 1742 г., окружавшие Елизавету люди стремились подчеркнуть, что они продолжают политику Петра. А выражение «как было при Петре Великом», пришедшее взамен прежнему, аннинскому «как прежде сего при их величестве деде и отце было» (т. е. при Алексее Михайловиче и Иоанне Алексеевиче), явилось своего рода формулой нового политического курса елизаветинского правительства. Как бы в память Петра I, путешествовавшего за границей под фамилией «Михайлов», Елизавета иногда подписывалась на бумагах «Михайлова».³

В ближайшие годы после вступления на престол Елизавета пыталась закрепить в подданных впечатление о своей духовной связи с великим отцом. Об этом говорит множество характерных фактов.

К моменту дворцового переворота 1741 г. Западная Европа насчитывала уже по крайней мере десяток исторических трудов, посвященных жизни и деятельности Петра I.⁴ Елизавета Петровна, вступив на престол, тотчас поспешила ликвидировать заметный пробел в отечественной историографии о Петре.

¹ Слово в высочайший день рождения благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни нашея императрицы Елисаветы Петровны всея России декабря 18 дня, 1741 года, проповеданное Амвросием, архиепископом новгородским в санктпетербургской придворной церкви ея величества. СПб., 1741, стр. 13—15. (Далее при цитировании — Слово Амвросия).

² Полное собрание законов Российской империи с 1649 года, т. XI. СПб., 1830, № 8480.

³ А. А. Морозов. М. В. Ломоносов. 1711—1765. [М.], 1955, стр. 267.

⁴ См.: Е. Шмурло. Петр Великий в оценке современников и потомства. Вып. I (XVIII век). СПб., 1912, стр. 51.

В 1742 г. вышло очередное распоряжение Сената разобрать документы петровской поры. Время от времени правительство как будто спохватывалось, отдавало распоряжение привести в порядок бесценные для истории материалы, но... все оставалось по-прежнему. Бумаги неразобранными горами гнили в сырых казематах Петропавловской крепости.

И Стефан Писарев, секретарь Коллегии иностранных дел, по заданию елизаветинского правительства переводивший на русский язык итальянское сочинение аббата Катифоро о жизни русского императора, и Петр Крекшин, которого Татищев иронически назвал «баснописцем», пытались создать жизнеописание Петра I. Но их работа явно носила компилятивный, беллетристический характер. И неудивительно, что ни один из авторов, трудившихся в начале 40-х годов XVIII в. над созданием истории жизни и деятельности Петра I, не увидел своего произведения опубликованным в эти годы. Как ни упорно было желание Елизаветы иметь отечественную историографию о своем отце, она не появилась. Не случайно, что через несколько лет русская императрица обратится за помощью к Вольтеру.

В первые же годы царствования Елизавета предприняла попытки зримо увековечить память своего отца: известный актер Федор Волков работает над бюстом Петра Великого; живописный мастер Иван Вишняков получает от Сената заказ обновить старый портрет императора.

Еще в год смерти Петра I императрица Екатерина отдала распоряжение Нартову «делать триумфальный столб, на котором будут изображены его вечно достойные блаженной памяти императорского величества баталии». Но возложенного на него поручения Нартов не выполнил. В 1742 г. Шумахер, отказавший Нартову в назначении ему академического жалования и вынужденный дать Сенату объяснение такого распоряжения, обвинил Нартова в том, что «сего великого и важного дела (т. е. сооружения триумфального столба, — В. П.) не только не окончил, но и через шесть лет оно не начинал».⁵ Из доношения канцелярии Академии наук в правительствующий Сенат видно, что «триумфальный столб всем баталиям и другим славным делам Петра Великого» сооружался в 1747 г., но не был готов и в 1750 г.⁶

В 1744 г. прославленными итальянцами Растрелли и Матрелли отлита из меди конная статуя Петра. История этого памятника известна: готовый в 1744 г., заброшенный, он был поставлен на площади перед Инженерным замком при Павле I со знаменитой надписью: «Прадеду правнук».

Правительство Елизаветы Петровны публично, громкогласно обращало внимание сограждан на свою связь с петровским временем: как обычно, реальное положение дел самодержавной России не совпадало с официальным курсом царской политики.

Общезвестна превосходная характеристика эпохи преемников Петра I, данная А. С. Пушкиным: «Ничтожные наследники северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностью подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом, действия правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тем как азиатское невежество обитало при дворе. (Доказательства тому — царствование безграмотной Екатерины I, кровавого злодея Бирона и сладострастной Елизаветы)».⁷

Как ни мало было сходства между политикой царствовавшего отца и ныне царствующей дочери, основное направление государственной пропаганды было определено: Елизавета — достойная преемница своего отца.

Елизаветинское правительство не замедляло использовать уже испытанное Петром I средство общественного воздействия — публичные выступления

⁵ П. П. Пекарский. История имп. Академии наук в Петербурге, т. II. СПб., 1873, стр. VI—VII.

⁶ Там же, примечания, стр. 41.

⁷ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VIII. М., 1958, стр. 126.

проповедников. А осуществить намерения правительства помогли сами представители православного духовенства, оказавшие, как известно, серьезную поддержку в возведении Елизаветы Петровны на российский престол.

Было бы крайне наивно искать объяснение симпатий православной церкви к дочери Петра I в набожности и религиозности новой императрицы. Между духовенством и правительством Елизаветы Петровны с самых первых дней сложились отношения обоюдной заинтересованности и взаимной поддержки. Духовенство поддерживало Елизавету Петровну, явно надеясь на то, что приход к власти православной монархини и замена иностранного окружения двора русским приведет к упрочению положения православной церкви в России. В то же самое время православное духовенство представляло серьезную опору нового правительства. Оно являлось одним из общественных слоев, на который опиралась Елизавета, но только стремясь к российскому престолу, но и завоевав его. Духовенство, обладавшее сильным идеологическим оружием — прежде всего публичной проповедью, с первых же дней существования нового правительства было поставлено на службу ему.

Взаимовыгодный союз православного духовенства и правительства и вследствие этого возросшая политическая роль православной церкви в жизни русского общества начала 40-х годов XVIII в. способствовали заметному оживлению деятельности духовенства, особенно литературной. Именно этими обстоятельствами и объясняется факт, на который давно обратили внимание историки литературы елизаветинского времени: увеличение числа проповедников и возрождение проповедей в царствование Елизаветы. По данным, приводимым Н. Барсовым, «известно до 40 лиц, занимавшихся проповеданием слова божия в Петербурге и Москве в царствование Елизаветы Петровны»,⁸ а число проповедей, сообщенное Н. А. Поповым⁹ и повторенное в работах Г. В. Воскресенского¹⁰ и Н. Барсова,¹¹ с 1741 г. по 1754 г. доходит до 119. Однако эти данные оказались далеко не полными. По сведениям, которыми располагал П. Н. Берков, число проповедей (опубликованных и неопубликованных) лишь за период 1741—1744 годов достигает 122. А два года начала царствования Елизаветы (1742 и 1744) дали такое количество проповедей, какое не повторилось никогда в другие годы XVIII в.¹²

Из всех жанров духовной литературы XVIII в. именно публичная проповедь обладала особенной общественной силой воздействия и занимала, бесспорно, главное место в литературной деятельности духовенства. Публичная проповедь воспринималась не только Сумароковым и его современниками, но и много позже, вплоть до начала XIX в., как явление художественной литературы, словесности. Это был великолепно разработанный жанр, имевший к 40-м годам XVIII в. богатую историю, своих классиков в прошлом, своих замечательных мастеров поистине художественного слова в настоящем. Живое слово, эмоционально произнесенное, обращенное непосредственно к слушателям, высокое ораторское искусство проповедников, глубина мысли и

⁸ Н. Барсов. Малоизвестные русские проповедники XVIII столетия. Материалы для истории русского проповедничества, стр. 20. (Отдельный оттиск из журнала «Христианское чтение», 1874, февраль, стр. 247—256; апрель, стр. 575—623).

⁹ Н. А. Попов. Придворные проповеди в царствование Елизаветы Петровны. — В кн.: Летописи русской литературы и древности, изд. Н. С. Тихомировым. М., 1859, т. II, отд. III, стр. 21.

¹⁰ Г. В. Воскресенский. Придворная проповедь в России полтора столетия назад. М., 1894, стр. 10.

¹¹ Н. Барсов. Малоизвестные русские проповедники XVIII столетия, стр. 20.

¹² В. И. Срезневский. Предисловие. — В кн.: В. И. Срезневский и А. Л. Бем. Издания церковной печати времени императрицы Елизаветы Петровны 1741—1761. Выставка «Ломоносов и елизаветинское время», т. IV. Пгр., 1914, стр. XXX.

чувства говоривших — словом, все те особенности, которые были свойственны публичным выступлениям проповедников, превращали церковную проповедь в подлинно литературное явление, в серьезное оружие духовенства и правительства.

Неудивительно, что правительство сразу же обнаружило заинтересованность в публичных выступлениях духовенства, законодательно поддержало усердие проповедников. Так, 10 ноября 1742 г. явился указ «Об ободрении ея императорским величеством к напечатанию и рассылке по церквам молебного пения на высокочтожественные дни».¹³ В первые же месяцы своего существования правительство Елизаветы издает указы о регулярности произнесения проповедей в придворной церкви¹⁴ и о напечатании их.¹⁵ И каждое воскресенье, каждый праздник в церкви императорского дворца слышится слово какого-нибудь придворного проповедника.

Явившись рупором официальной политики правительства, духовенство вводило в свои публичные выступления тему Петра I. Когда-то, при Петре I, реакционная часть духовенства была оппозиционно настроена по отношению к реформам правительства, затанла в себе явное недовольство тем, что православная церковь подчинена государственной власти. Но между эпохой Петра I и началом 40-х годов пролегла полоса событий, которые наложили отпечаток на теперешние выступления духовенства. Последние годы, столь тревожные и тяжкие для служителей православной церкви, как будто стерли из памяти прежние обиды. Да и сквозь призму времени и исторического опыта виднее стали заслуги Петра I перед Россией в общегосударственном масштабе. Как бы там ни было, голоса, прежде осуждавшие, теперь сливаются в единую похвалу Петру. Духовенство послушно выполняет то, чего от него ждет правительство: настойчиво сближает имена Елизаветы и ее отца.

Елизавета и Петр I, эта тема, сопутствуя другой — прославлению недавно коронованной императрицы, стала одной из ведущих в драме «Образ торжества российского доблавному подвигположнику, начертан из трудов риторических во училищах славено-латинских»,¹⁶ которой московская Академия приветствовала в старой столице нововенчанную императрицу. Драматург дает теме решение, успевшее стать уже общепринятым со времени дворцового переворота 1741 г.: Елизавета — достойная приемница своего отца, названного в пьесе «всероссийским Геркулесом», который «не токмо себе, но и последующему равно же себе подвигположнику в трудах Марсовых венец почести обрете».

Но при знакомстве с драмой нетрудно заметить, что «всероссийский Геркулес», обещанный в «Кратком изъявлении» произведения, как действующее лицо на сцене так и не появляется. Что помешало автору исполнить свои намерения? Располагая лишь одним загребским списком произведения и не имея никаких современных произведений сведений о нем, ответить на этот вопрос трудно. Во всяком случае, сам автор так пытается объяснить отсутствие в драме «всероссийского Геркулеса», скрытого к тому же в прологе и эпилоге за буквами NN: «... на сем зрелищи ... вечных славы достойных российских дел подвиги изобретаются NN, удивительных дел примирителя, мню яко не тебе есть иде изображати, ибо самую вещь удивления достойна российского Геркулеса паче солнца полуденнаго славою прелящнейшая на весь мир видим дела, их же подробну изрещи или на твердом мраморе к безмерной славе изобразити кто от человек может?». ¹⁷ Мотивировка, подсказанная самим автором драмы, похожа на истину: та ответствен-

¹³ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны, т. I. СПб., 1889, стр. 242—243, № 227.

¹⁴ Там же, стр. 120—121, № 93.

¹⁵ Там же, стр. 84, № 67.

¹⁶ И. М. Бадалич и В. Д. Кузьмина. Памятники русской школьной драмы XVIII века. По загребским спискам. М., 1968, стр. 179—202.

¹⁷ Там же, стр. 179.

ная задача, которую поставил перед собой драматург, — создание сценического образа Петра I — оказалась для него непосильной. И при всем видимом желании автора драмы связать «похвалу российския матере», прославление Елизаветы с темой Петра I не удалось.

Гораздо более разработанной эта тема оказалась в проповедях духовенства. «Петра Первого не умерла слава российская, — хором утверждали проповедники елизаветинской поры, — но аки финиис вся возродися во Елисавете Первой». Московский проповедник Кирилл Флоринский, выступления которого отличались обилием аллегорий, сравнений, притч, избирает темой своей проповеди в Успенском соборе Москвы 18 декабря 1741 г. слова 111 псалма, стих 2: «Сильно на земли будет семя его». И он представляет Петра сеятелем, а Россию почвою, на которой «возрасте семя Петрово, подобно зерну горушну евангельскому».¹⁸

В тот же день Амвросий Юшкевич выступил с амвона петербургской церкви: «Что надлежит до славных заслуг их (т. е. Петра I и его жены Екатерины I, — В. П.), то я не знаю, есть ли в свете уголок такой, есть ли народ такой дикой и незнаемый, чтоб до него не дошел слух дел и славы Петра Великого, и чтоб не знал он, кто и что был в России Петр Первый, кто и что была Екатерина». «Когда он воевал, учил воевать воинство; когда учил воинство, устраивал благополучие внутреннего гражданства; когда устраивал благополучие гражданства, и о духовном своем чине помышлять не оставил. Видел он совершенно, ово из древних историй, ово же и сам своим уже искусством, как народ российский тогда был неславный и посмеятельный; видел, как был вовся темный в науках и непросвещенный: и того ради великою суммою снискивал людей ученых, содержал их во всяком довольстве и почтении, посылал своих подданных для науки и всякой экспериментации в иностранныя государства, старался везде заводит училища духовныя и политическия, снабдевал их весьма мудрыми и славными учителями, и что всего удивительнее, сам своею императорскою персоною почти по всей Эвропе странствовать изволил, для единого того, чтоб, разсмотрев тамошнее состояние училищ, воинства, гражданства и мастерства корабельнаго, завезть то таким же образом и в своем государстве... Но остановись еще мало и над сим царствующим градом Санктпетербургом, посмотри на его места положение, на его самое начало и предивное строение; кто начал, кто создал и трудился здесь? Аще мы умолчим, камень возопиует, домик Петра Великого засвидетельствует, сколько он положил здесь трудов и потов на созидание сего града».¹⁹

Именно этой проповедью новгородский архиепископ, недавно вступивший на кафедру, ранее занимаемую Феофаном Прокоповичем, ввел в обыкновение начинать прославление Елизаветы прославлением дел Петра, а «прославлять Петра, — подмечает историк, — можно было за то же, что и прославляли его прежние ораторы».²⁰

Пример, поданный Амвросием, не пропал втуне. Его ближайшие последователи воскрешали в памяти слушателей ставший уже канонизированным облик Петра I и напоминали дочери о лучших делах отца так, как будто речь шла об апостольских деяниях из святого писания: «А паче всех неусыпными трудами отец отечества великий монарх Петр Первый выше кедров ливанских славою Россию превознесл, кто сего не исповедует, не токмо верныя российския чада, но и окрестный народи знатная дела его проповедуют. Петр, крепость наша, которым тако отечество утверждено, яко гора Сион не по-

¹⁸ Слово в высокаторжественный день рождения ея священнейшаго императорскаго величества благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни нашея Елисаветы Первья, императрицы всея России, проповеданное архимандритом иконоспасским Кириллом Флоринским в Успенском соборе в Москве 1741 года декабря 18 дня. СПб., стр. 14.

¹⁹ Слово Амвросия, стр. 7—9.

²⁰ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. XI (тт. XXI и XXII). М., 1963, стр. 147.

движится во веки. Петр, слава наша, которая от конец до конец во всех ушесех слышится. О преславных дел преславнаго императора, многими сей мужественный герой благодеяниями Россию одолжил, за любовь ко благочестию, за любовь к отечеству самого себе не жалел, здравия своего не щадил, претяжкие походы понести не боялся, везде в приступах огненных громов острых мечей, и ядовитых стрел не устращался, всегда сам присутствовал, многия европейския государства проходил, от всех яки пчела с разных цветков к пользе России собирал, воинство российское исправлял, мужественно и искусно показал, изрядныя регулы ко правосудию положил, учениями и различными художествами Россию украсил».²¹

И все же не эти стороны деятельности Петра I вызывают особые симпатии духовенства. Отцы церкви как будто забыли об истинном отношении Петра I к церкви: русский царь, секуляризируя церковь, требовал от духовных пастырей прежде всего учености и образованности. Теперь же, нисколько не смущаясь, церковь возносит Петра I за его якобы ревностное отношение к православной вере. В этой связи представляет интерес уже цитированная проповедь Дмитрия Сеченова, в ней стремление показать в Петре I защитника православия обнажено до предела: «А паче неусыпное его (т. е. Петра I,— В. П.) тщание было о сохранении благочестивыя веры, не малое попечение имел, как бы в духовных сребролюбивый нрав искоренить, расколы упразднить, суеверия отогнать, волшебства вывесть; того ради сам духовное собрание посещати не ленился, ко исправлению благочестия духовных пастырей поощрял. Но сия паче удивительна о благочестии ревность, яко в самой уже тяжкой болезни, в самом последнем издыхании, не инное что приказывал, не о ином чем вселюбезную свою супругу просил, токмо да сохрани благочестие Екатерина, соблюди православную веру».²²

Так в узкосословных целях использовало духовенство авторитет Петра I. И совершенно очевидно, что апелляция духовенства к имени Петра I не имела ничего общего с отношением к деятельности этого великого преобразователя ранних просветителей, для которых он был живым воплощением монарха.

Своеобразие разработки темы Петра I в проповеднической литературе начала царствования Елизаветы, бесспорно, заслуживает внимания, так как дает нам представление об общественной позиции и литературной деятельности определенной части русского общества в 1741—1742 году.

Бурные политические события жизни России начала 40-х годов XVIII в. нашли широкий литературный отклик. До нас дошло большое количество произведений не только духовных, но и светских, в стихах и в прозе, на русском и иностранных языках, посвященных событиям политической жизни России 1741—1742 годов. Среди них оды М. Ломоносова и В. Тредиаковского, произведения А. Кантемира и А. Сумарокова, Г.-Ф.-В. Юнкера и Я. Штелина, стихотворение М. Собокина и многие-многие другие. Эти произведения, безусловно, неодинаковы по своим идейным и художественным достоинствам, но все они представляют несомненный интерес для истории литературы. Посвященные одному и тому же событию, но написанные представителями различных общественных слоев и определенных поэтических группировок, эти произведения дают возможность воссоздать картину литературной жизни начала 40-х годов XVIII в., расстановку литературных сил.

Лишь на фоне литературной и общественной жизни того времени со всей очевидностью раскрывается превосходство поэзии Ломоносова над его современниками. Перефразируя мысль Радищева, можно сказать: сравни то, что сделано Ломоносовым, и то, что сделано рядом с ним, — величие его поэзии «будет всем внятно».

²¹ Слово в день благовещения пресвятыя богородицы в придворной церкви ея императорского величества благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни нашея Елисаветы Первыя императрицы всея России, проповеданное архимандритом Свяяжского богородицкого монастыря Дмитрием Сеченовым в Москве 1742 года марта 25 дня. СПб., 1742, стр. 12—13.

²² Там же, стр. 13.